

Екатерина Янык ТОГДА ПОГАСЛО СОЛНЦЕ

«Этот роман – исповедь каждой женщины, которая
когда-либо боялась любить»

«Это не просто роман о материнстве. Это – крик
сквозь поколения»

«Пронзительный роман о том, как боль передаётся
по наследству»

Екатерина Янык

Тогда погасло солнце

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72205567

SelfPub; 2025

Аннотация

«Тогда погасло солнце» – это пронзительная сага о трех поколениях женщин, связанных кровью и разделенных горем материнства.

Даше исполнилось 31, когда ей поставили диагноз «бесплодие». ЭКО – последняя надежда на исполнение мечты, но до чего непросто решиться на него. На кого и на что опереться, если внутри пустота, к родительской семье только претензии и обиды, а своя трещит по швам?

Все меняется после смерти бабушки: из писем в ее сундуке Даша узнает страшную правду – о своей семье, насилии, предательстве и тихой мести. Но главное – о той любви, которая жила в тишине.

Это история о молчании, которое становится ядом для следующих поколений; о силе женщин, которые выживали, когда казалось, что мир против них; о материнстве, которое не всегда желанное; и о прощении, которое иногда приходит слишком поздно.

«Там, где погасло солнце» – не просто история одной семьи. Это зеркало, в котором вы, возможно, узнаете себя.

Содержание

Дарья Вострецова (Задорожная), 2018-2019	4
Дарья Вострецова (Задорожная), 2019	13
Пелагея Михайлова (Кручинская), 1947	18
Дарья Вострецова (Задорожная), 2022	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Екатерина Янык

Тогда погасло солнце

Дарья Вострецова
(Задорожная), 2018-2019

Комната ожидания перед кабинетом гадалки больше напоминала коридор в провинциальном МФЦ: обшарпанные стены, выдавшие вида кресла. В МФЦ разве что нет на столике журналов про порчу, сглаз, привороты и прочие магические штуки.

– Она точно гадалка? – нервно хихикнув, прошептала Даша подруге Марине. – В передачах про ее коллег их офисы выглядят более мистически.

– Не говори, хоть бы один светящийся или говорящий шар повесили для приличия. Но Маргарита свое дело знает, я же тебе рассказывала, как ловко она мне мужчин привораживала.

– Ага, особенно Сергея, который тут же женился на другой. А ты до сих пор одна.

Пальцы Даши впились в подлокотник. Вообще-то она историк, выпускник престижного питерского университета, у нее уже тридцать два года жизненного опыта, и офис гадалки

– это последнее место на планете, где она могла оказаться по доброй воле. Если бы не чертов доктор с его предсказаниями: «Надежда у вас есть, милочка, и жирненькая».

Пока «жирненьким» у Даши был только ужас. И каким ни окажется слово гадалки, этот зверина должен поутихнуть. Для этого Даша здесь.

Ужас начался полгода назад.

Хотя нет, это кризис случился полгода назад, а ужас начался гораздо раньше, в день Дашиного двадцатидевятилетия. Гости разошлись, Олег, не переодевшись, в белой рубашке суетился у посудомойки: «Не обсуждается, раз в год грязные тарелки – моя обязанность».

Даша, в ночной сорочке «не для сна», обняла мужа за спину, потерлась щекой о рубашку, ладонью со сверкающим на пальце багетным изумрудом ласково почесала его живот.

– Спасибо за подарок, милый. Даже снимать не хочется.

– Я рад.

– Хочу еще подарок, – поколебавшись, робко попросила Даша. – Мы уже семь лет женаты и нам, наверное, пора...

Олег резко повернулся.

– Тебе надоело работать? Хочешь днями напролет сидеть дома, слушая вопли и драя какашки?

– Печатать фотографии в ателье – невероятно ценная работа, – скривилась Даша. – Да, я хочу мыть какашки. Я готова.

– Одно условие: я в грязной работе не участвую. И по но-

чам вставать будешь сама, мне надо высыпаться.

Ответом ему стал поцелуй.

Они старательно целовались год, а низ живота Даши все равно ныл каждый месяц.

– Это нормально, дайте себе время, – снимая перчатки после осмотра, снова успокаивала гинеколог. – Быстро приходят только бока после съеденных шоколадных булок. Но если хотите создать иллюзию контроля, делайте овуляционные тесты.

Вострецовы старательно целовались еще год, теперь уже по расписанию. Также по расписанию низ живота Даши каждый месяц пронзала тупая, предательская боль, и в мыслях звучало равнодушное: «Ты снова не справилась».

Будто шанса на чудо для нее не существовало вовсе.

Олег подшучивал над тревогой жены, закатывал глаза при слове «овуляция», но послушно пил витамины, зажевывал индейку пучками рукколы, в нужные дни возвращался домой вовремя. Снисходительно потакал еще одному непонятному ему желанию жены, вроде ее любви к совместному просмотру турецких сериалов.

Терпение Олега лопнуло внезапно. Не в ссоре, а за обычным завтраком. Олег допивал кофе, когда Даша, сияя, вышла из ванной с очередным тестом на овуляцию.

– Может, отменим уже режим постельного концлагеря? Если хоть с ним, хоть без него... – не дав ей высказаться первой, предложил он. Губы растянулись в подобии улыбки, но

глаза обжигали холодом. – Придет ребенок, никуда не денется. Доктор же сказала, что надо ждать. Поехали, в Турции отдохнем, дворец султана своего посмотришь. Или давай вечером покурим кальян, вина выпьем, черт возьми! Хватит уже этой полезной пищи, тестов этих твоих.

В его предложении не было предвкушения – только усталый бунт против жизни как функции.

Он капитулировал, оставив Дашу одну на поле боя с природой.

И это было тяжелее любой ссоры.

Даша записалась к другому гинекологу.

Ее до сих пор бросало в дрожь при воспоминании о том вечере прошлой осенью. Тогда ее семья – ее монолит, ее тыл – дала еще одну трещину.

Свет торшера касался лишь части гостиной, поэтому мечущийся из угла в угол Олег оставался в тени. Даша скукожилась в кресле, поджав под себя ноги, словно пытаясь защитить себя от неизбежного.

– Со мной все в порядке! – хриплый, почти звериный рык Олега разорвал тишину. – Обследовать у меня нечего!

– Милый, доктор настаивает на том, чтобы мы пришли оба. Говорит, по статистике...

– Статистика? – в голосе Олега зазвенела сталь. – Это просто способ выкачать из нас побольше. Я не пойду. У нас все в порядке. Проповедники говорят, что дети приходят в лучшее время в семью, где живет любовь. Второе – это мы, зна-

чит, нужно лишь дожидаться.

Даша прикрыла глаза. Внутри нее не стихал гром и барабанили первые капли. Но яйца в их семье были у Олега, а Даша – красивая Белоснежка, и только. Если муж сказал, что все в порядке, значит, все в порядке.

Вздохнув, Даша отменила прием.

С тех пор каждый месяц, длинными бессонными ночами прижимая руку к ноющему низу живота, Даша слышала вьюгу. Не ту, что зимами выла за окном, цепляясь мокрым снегом за стекло, а другую – ту, что гуляла в сердце. Она была подругой Даши с детства, являлась каждый раз, когда мать обжигало шипела: «Да что ты за идиотка-то такая? У всех дети как дети, а мне бракованная девчонка досталась».

Теперь вьюга звучала громче. «Мама была права. Я – бракованная, поэтому и детей у нас нет. Все из-за меня».

Эта мысль несла облегчение. Пусть проблема будет в ней, Даше, тогда это легко исправить. Как угодно: таблетками, операциями. Она согласна на все. И Олег не откажет, ведь он против только тех анализов. Тех, что могли бы унижить его.

Через год Даша записалась на прием снова. На этот раз – втайне от мужа. Втайне от мужа дважды падала в обморок, когда медсестра, заполнив кровью с десяток пробирок, вытаскивала длинную иглу из ее вены. Втайне от мужа кусала губы от боли, когда проверяли проходимость труб: в государственной больнице это делали без наркоза. Втайне от мужа дрожала, когда палка аппарата УЗИ холодом входила в нее.

Как будто детей хотела она одна.

Даша отчаянно нуждалась в родной руке, которая, если потребуется, подхватит ее, когда доктор произнесет приговор. В чьем-то надежном плече, о которое можно опереться, если мир вокруг начнет расплываться.

Но в пропахшем антисептиком и отчаянием коридоре она была одна. Марина прикрывала ее на работе, а Олег был ее мужем только за пределами больничного городка.

Отделение гинекологии в клинике соседствовало с онкологией. «Лучше бы сразу с моргом», – кисло подумала Даша, пока доктор изучал результаты анализов. Ветхий, сморщенный, он наверняка многое повидал на своем профессиональном веку и быстро сможет решить ее, Даши, проблему. Но доктор молчал, лишь глубже зарываясь носом в монитор.

– ЭКО. Без вариантов, – наконец, выдавил он. – В правом яичнике фолликулов нет, левая труба непроходима. Неудачная мозаика случилась в вашем теле, милочка.

«Неудачная мозаика». Сказал бы как есть: вы, милочка, дважды бракованная.

– Технологии шагнули так далеко, милочка, что надежда у вас есть, и жирненькая. К кому-то дети приходят через черный ход, но главное же, что приходят.

Шутник оказался доктор. Хоть и оптимистичный, но Даше веселее не стало.

«Технологии шагнули далеко, милочка».

Шагнул ли Олег так же далеко? Позволит ли его ранимая

гордость стать отцом ребенка из пробирки? Что, если нет? Что, если бракованная жена ему не нужна? Что, если ЭКО не станет успешным? От мыслей об этом matka сжималась, словно от прикосновения острия кинжала.

– Помнишь, я ходила к гадалке на Петроградской, Маргарите, – тревожась за похудевшую подругу, начала Марина. – Я про ту в цыганской юбке, но весьма себе славянской внешности, после которой мне зарплату повысили.

– И привороженные кем мужчины отлетали от тебя как теннисные мячики от ракетки?

– Эти истории требуют дополнительного расследования, – озадачилась Марина. – Неважно. Может тебе сходить к ней, пусть у космоса, или с чем там она советуется, уточнит твою ситуацию. Глядишь, и тебе спокойнее станет.

Даша была готова на все – заряжать воду в полнолуние, скакать с шаманскими бубнами, совершать ритуальные жертвоприношения – лишь бы закончился ад неопределенности.

Лишь бы снова спать нормально.

Из офиса гадалки выбежала женщина в слезах, сжимая в кулаке смятую фотографию. Даша сильнее вцепилась в подлокотник кресла, но тихий голос Марины вернул спокойствие:

– Иди. После станет легче. Жду тебя здесь.

Маргарита стояла у окна, закрытого тяжелыми потрепанными шторами, напоминающими списанный из театра занавес.

вес. Цыганской юбки на ней не было, но нужный образ создавал пестрый накинутый на плечи платок и огромные золотые (?) серьги.

Не глядя на вошедшую посетительницу, гадалка протянула руку:

– Фото.

На подготовленном фото – Олег лет пять лет назад. Залитая солнцем поляна, оранжевый плед, шампур с шашлыком в руке. Заливистый смех мужа почти слышался через фотобумагу. Как давно он не звучал в их квартире...

– Бросил он тебя. Ушел к другой. По своей воле не вернется. Приворот нужен.

– Никуда он не ушел, – растерялась Даша.

– Значит, уйдет. Когда дети не получаются – всегда уходят. Приворот крепкий нужен.

– А если... ЭКО? Он согласится?

– С приворотом как миленький согласится. На все процедуры будет ходить с тобой, как телок на веревочке.

Даша выдохнула, ощутив, как тяжесть, давившая на плечи все эти месяцы, исчезла.

– А ребенку можно приворот сделать? – она покраснела от собственной наглости.

– Приворот всем можно. На растущую луну приходи, принеси каплю своей менструальной крови и волос мужа.

Кивнув, Даша вышла. Она не собиралась возвращаться. Непонятно как, но она получила то, что хотела: уверенность

в верности выбранного пути.

– Я сегодня же поговорю с Олегом, – улыбнулась она подскочившей к ней подруге. Впервые за последние месяцы – искренне.

– Что она сказала?

– Только то, что все будет хорошо.

– Это и я тебе говорила, миллион раз, – Марина бережно обняла подругу. – И сейчас повторю: всю будет хорошо.

В кольцо ее рук было тепло, как на оранжевом пледе на поляне, том, с фото.

– Бесплатно эти слова звучат не так убедительно.

– Все будет хорошо. С тебя десятка. А если серьезно, Дашуль, дети ведь приходят разными путями. Кто-то – по старинке, через постель, современные – через технологии. Но все они – через любовь, согласишься? Олег это тоже понимает. Я рядом с тобой. Ты не одна. Все будет хорошо.

Дарья Вострецова (Задорожная), 2019

Закинутые бабушкой в печь поленья шумно трещали, наполняя избу уютным теплом. Морозные витиеватые узоры на окнах отрезали горницу от внешнего мира, и казалось, что не существует ничего за пределами избовых стен: ни синиц, замерших на яблонях в огороде, ни неподвижной Волги, застывшей подо льдом.

В избе – четыре неподвижные фигуры за заставленным тарелками с пирогами и соленьями столом.

– Может, не надо было им говорить? – шепнул жене Олег, разодетый в веселый свитер с рождественскими оленями. – Похоже, ты испортила им праздник.

Стараясь не разрыдаться, Даша пожалала плечами.

Наконец-то они собрались вместе за одним столом, своей крошечной семьей у бабушки в деревне: слева от Даши – Олег, справа – мама Ольга, напротив – бабушка Пелагея. Каждый сучок, каждый шершавый скол стола и грубых табуретов, сколоченные еще Дашиным дедом Ваней, знал историю этой семьи лучше, чем они сами.

За окном, где метель заметала тропинки к реке, наступал новый год, но в горнице праздника не было. Не было ни елки, ни гирлянд, ни веры, ни надежды.

Все-таки бесплатные утешения не работали. Все не было хорошо. Реальность ЭКО оказалась куда страшнее, чем писали на женских форумах. Не просто уколы и рутинные визиты к врачу, а еще оглушающее, одуряющее ощущение, что тело – это минное поле, и game может быть over в любой момент. От гормонов в огромных дозах хотелось то выть на луну, то расколошматить весь мир. Иногда – все сразу.

– Позитивный настрой очень, очень важен, – твердила репродуктолог. – Повышает шансы на успех, проверено сотнями родившихся младенцев.

Даша хотела повысить шансы, и от этого напрягалась еще сильнее. ЭКО стало для нее турбулентностью, невесомостью и полным бессилием одновременно.

Даше отчаянно нужно было, чтобы мама и бабушка знали, какой путь проходит их девочка. Чтобы своими благословениями облегчили ее ношу. В ее жилах текла их кровь – кровь сильных женщин, и если уж Олег с его мужской гордостью смог принять правду, то они и подавно встанут за ее спиной мощным тылом. И там, где она не может сохранять позитив, они сделают это за нее. Они ведь семья.

Даша хотела этого искренне, по-детски, для этого и собрала всех здесь.

Наивная. Как будто не знала их.

Но когда еще верить в чудо, если не в конце декабря?

Бабушка иступленно крестилась, шепча молитвы.

– Ребенок из пробирки, свят-свят! – ее голос дрожал, сры-

вался на хрип. – О, Господи мой, утешение мое, извлеки меня из несчастья и утешение даруй бедной душе моей, – голос бабушки становился все неразборчивее.

Это ранило куда больнее, чем все уколы ЭКО вместе взятые.

– Бабушка, это же живой ребенок! В нем будет и твоя кровь.

Неужели так сложно хотя бы раз сказать: «Мы с тобой»?

– Кровь-то будет, а душа? – Бабушка вскинула голову, и в ее глазах вспыхнул тот самый первобытный страх, что гнал предков в пещеры при первых раскатах грома и вспышках молний. – Правнук из рук ученых, до чего дожила! Господи мой, утешение мое, – она молилась громко, почти крича, словно желая отгородиться от доводов внучки, вздумавшей поиграть в Бога. Ее пальцы сжимали нательный крест так, будто она встретила лицом к лицу с сатаной.

Где это видано, чтобы женщина приручала природу? Раньше за такое на костре сжигали.

Мама сидела молча – вот и новогоднее чудо. Но ее лицо орало красноречивее слов. «Позор-то какой, что люди скажут?» – отчетливо читалось в гримасе отвращения, застывшей на лице, в сжатых до тонкой ниточки губах.

Даша видела эту маску злобной горечи уже много раз. После алеющих в дневник «хор» вместо «отл», после невыигранных олимпиад, после того, как одноклассник Саша проводил ее до дома, и после миллиарда таких «после». С каж-

дым разом маска становилась толще, плотнее, надольше застывала на мамином красивом лице.

Видимо, сегодня мама окончательно пожалела, что вовремя не сделала аборт. Ниточка губ стала еще тоньше, еще бледнее: бури не миновать.

– Идиотка! Ты кто такая, чтобы требовать у Бога то, что он не хочет давать?? Ты кем себя возомнила?? – мамина ладонь со всей силы стукнула об стол, задев тарелку. Перевернувшись в воздухе, тарелка брызнула острыми осколками, остатками пирога с картофельной начинкой. – Не дал Бог здоровья – мужем вон занимайся! А ты как допустил этот беспредел? – напустилась она на некстати вспомнившегося зятя. – Умный же мужчина! Позорище!

Олег резко вскочил, его стул с грохотом опрокинулся назад.

– То есть, по-вашему, бесплодие менее стыдно, чем экошный ребенок?

Даша слушала их крики, разглядывая пирог вперемешку с осколками у своих ног.

Это все, что осталось от ее надежды.

Даша медленно поднялась из-за стола.

– Олег, оставь, давай уедем домой, – сказала она тихо, но так, что даже бабушка прервала молитву. – Я привыкла справляться одна, без них. И сейчас справлюсь.

В сенях она застегнула пуховик ставшими непослушными пальцами и ее голос задрожал:

– Женщина может быть счастлива, даже если для них это дико. Может.

Ни звука не раздалось в ответ: мать и бабушка сделали вид, что не расслышали.

Или предпочли не слышать.

Самое страшное – не возможный гнев Бога и не критика других людей. Страшно, когда родные руки, что должны благословлять, сжимаются в кулаки, а их присутствие оборачивается штыками, направленными в твое сердце.

Когда за свое счастье приходится платить их слезами.

Пелагея Михайлова (Кручинская), 1947

Снежинки, кружась, опускались на подставленную ладошку девчушки. Ее юркий язычок подхватывал их еще на полете: зверек, живущий в желудке, сегодня был особенно зол. Вокруг – поле повернутых к небу ладошек. Все в одинаковых грубых варежках, слишком широких, будто сшитых для кого-то другого. Поле одинаково голодных глаз. Поле безмолвного ожидания.

– Отче наш, сущий на небесах, да святится имя Твое... – слова скупю, по штуке вырывались из побелевших губ девочки. Ладонь инстинктивно прижималась к груди – туда, где еще недавно грел подаренный папой крестик. Ни крестика, ни папы.

– Хватит! – губы обжег удар, но девочка не дрогнула. – Сколько раз повторять, забудь эту дурь! Твой поп-родитель – предатель, и тебе, его дочери, придется исчезнуть. Советская страна сделает из тебя приличного человека.

Воспитательницы говорили, что все ребята в этом детдоме – бракованные. От гнилой осинки не родятся апельсинки, знаете ли. А стране нужны апельсинки.

Над полем черных варежек появились две шапки. Одна – серая, мохнатая, как у воспитательницы. Вторая – куцая,

черная. Девочка видела такие раньше, по воскресеньям. У папы на работе.

Дети замерли, перестав дышать. Дыхание – это движение, а здесь каждый мечтал, чтобы шапки остановились рядом с ним. Навсегда.

Шапки плыли мимо. Ты – нет. Ты – нет. Ты – тоже нет. Шаги грохотали, как выстрелы. Шаг – и надежда в маленьком сердечке падала замертво.

Девочке было шесть лет – удачный возраст для новой семьи, как говорили воспитатели. Но шапки всегда проходили мимо нее. Она уже не ждала услышать тишину шагов возле себя. Она сама не заметила, как изменилась выученная ею когда-то молитва.

«Отче наш, сущий на небесах... я – не апельсинка, и я не нужна».

Дарья Вострецова (Задорожная), 2022

Эмбриолог позвонила во время обеда.

Она говорила сухо, рублено – только цифры и факты. Но ведь речь шла о потенциальных детях, а не о бракованной партии товара на фабрике. Каждое слово падало ядовитым зерном в и без того пересушенную гормонами и тревогой Дашу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.